

...Скепсис по отношению к результатам и перспективам курса на обновление, ностальгия по брежневскому застою и даже сталинским временам имели глубокие корни не только в своекорыстных интересах номенклатурно-бюрократических групп и слоев. Но и в стереотипах массового сознания, сложившихся за многие десятилетия тотального политического и идеологического контроля созданной в своей основе еще в сталинские годы командно-административной системы, монопольного господства КПСС, превратившейся во все проникающую бюрократизированную структуру. В результате произошло отчуждение абсолютного большинства народа от власти, собственности, превращение граждан в «винтики», целиком зависящие от воли и произвола чиновников разного рода и рангов. Дать возможность человеку стать не «винтиком», а гражданином, хозяином своей жизни, судьбы, страны, дать простор его творческим способностям, можно было только изменив реальные условия его общественного существования. В этом, собственно, и состоял замысел перестройки, в этом была ее цель.

Я полагал, что на это потребуются многие годы, как я уже говорил, - два, три десятилетия, если не больше. Уже первые пробуксовки перестройки дали сигнал тревоги: реально возможны попятные движения, срывы в прошлое с труднопредсказуемыми последствиями.

Жизнь требовала безотлагательного формирования общественно-политических, идейных и государственных гарантий углубления начавшегося реформирования того общества и строя, что многие годы было принято называть «реальным» и потом «развитым» социализмом со всеми «деформациями» и тупиками. Нет, «сталинский социализм» никак не мог служить образцом. Необходимо было последовательно и решительно уходить от такого «социализма», не допустить возвращения к сквернам сталинизма. Я, как и многие мои друзья и товарищи-«шестидесятники», был убежден в возможности социализма гуманного и демократического.

На новом опасном перепутье весны 1988 года я видел выход в том, чтобы предотвратить наметившийся разброд и драку в руководстве, объединить все усилия на консолидацию общества, на включение широких слоев граждан в процессы общественного самооздоровления и обновления. Именно в этом состоял мой замысел XIX партконференции.

Общественный интерес к конференции был большой - люди, образно говоря, ждали ответа на вопрос: что же происходит во власти, что там собираются и собираются ли делать, куда, к чему вести страну? Тезисы ЦК к

конференции были заблаговременно опубликованы в «Правде», они обсуждались во всех СМИ, как и выборы делегатов на конференцию.

Кстати, мне пришлось убеждать некоторых партийных руководителей Москвы воздерживаться от предвзятости и явной нетерпимости по отношению к таким кандидатам в делегаты конференции, как, например, Юрий Афанасьев или драматург Александр Гельман.

Дискуссия была весьма острой. Делегаты буквально рвались на трибуну. Под гром аплодисментов консервативно настроенной части собрания известный писатель Ю.Бондарев уподобил перестройку самолету, который «поднялся, а куда посадить - не знаем». Речь оппонировавшего ему писателя Г.Бакланова «захлопывали» и «затапывали». Закоперщиком критики партийного руководства со стороны, как тогда казалось, «левых» радикалов выступил Б.Ельцин. Он заявил о себе как самый радикальный противник «вождизма», самый решительный сторонник подлинного народовластия. Потребовал привлечения к ответственности тех, кто «по 10-15 лет сидел и сидит в Политбюро», кто выдвинул в генсеки больного Черненко, кто довел партию и страну до нынешнего критического состояния. Затронул Ельцин и генсека, заявив, что он, мол, остается вне критики. Потребовал сократить в несколько раз бюрократический аппарат в Центре и Москве, где продолжает существовать мафия. Особый отклик на конференции получило заявление Бориса Ельцина об устранении социальной несправедливости, ликвидации привилегий, спецпайков, спецбольниц и спецсанаториев. «Должно быть так, - под гром аплодисментов провозгласил будущий «царь Борис», - если чего-то не хватает у нас в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени к а ж д ы й без исключения»<sup>\*</sup>.

В заключение Ельцин попросил «реабилитировать его при жизни», отменив известное решение октябрьского Пленума ЦК КПСС как необоснованное. Выступление Ельцина было воспринято радикальной интеллигенцией Москвы, Ленинграда, Свердловска как его готовность вернуться в большую политику на острокритической волне борьбы против партocrats, за народную справедливость.

Таким образом, конференция выявила консолидацию критиков и оппонентов перестройки, с одной стороны, в консервативно-номенклатурном

---

<sup>\*</sup> Вряд ли кто-либо мог представить тогда, что в постсоветской ельцинской России число чиновников в 1,5-2 раза превысит их общее количество, которое было в Советском Союзе. А сам Борис Николаевич всего через три-четыре года с головой окунется прямо-таки в царские почести и привилегии.

лагере, а с другой – в леворадикальных кругах. И все же, по моему мнению, главный смысл конференции в том, что она в целом консолидировала партийное руководство, нацелила партию на крутой поворот к основательно демократической реформе политической системы страны. Решения конференции зафиксировали общее принципиальное согласие на продолжение и углубление перестройки в целях обновления государства и общества на основе свободных, не формальных, а реальных выборов органов власти всех уровней. Получило одобрение основательное разделение функций между партией и Советами. Тем самым было положено начало прекращению монополии КПСС на государственную власть и переходу ее к Советам реальным, свободно избираемым гражданами.

Ход конференции, ее решения обязывали не только провозгласить, но и реализовать лозунг «Вся власть Советам!». Да ведь в самом деле – разве народ поручал партии править? Она сама взяла на себя функции управления и в конечном счете монополизировала их. В резолюциях общепартийного форума было заявлено: «КПСС никогда не допустит впредь повторения чего-либо подобного тому, что связано с периодом культа личности и застоя, которые вызвали глубокие деформации в социалистическом обществе, задержали его развитие на целые десятилетия, привели к огромным человеческим жертвам, неисчислимым нравственным и идейным потерям».

В соответствии с духом и решениями конференции произошло омоложение состава Политбюро ЦК КПСС. Вышли на пенсию М.С.Соломенцев, П.Н.Демичев, В.И.Долгих, ряд других товарищей. Реорганизован и сокращен партийный аппарат, укреплен коллегиальность в работе членов ЦК благодаря созданию комиссий по основным направлениям партийной работы. Упразднены Секретариат ЦК КПСС и отраслевые, экономический отделы ЦК (кроме аграрного). Меняется критерий выдвижения на руководящую партийную работу: по уму, а не по должности.

Конференция рекомендовала конкретные сроки принятия законодательных мер по внесению демократических новаций в Конституцию СССР и избирательную систему на принципах альтернативности кандидатов, признала актуальность формирования правового государства, правовой и судебной реформы. Подчеркнута необходимость радикальной экономической реформы, обновления всех экономических механизмов, коренной перестройки экономических отношений в деревне.

Решения конференции, их практическая реализация дали новые стимулы таким важнейшим достижениям перестройки, как гласность и

демократизация общественно-политической и государственной жизни. Коренным образом обновлялась политическая система страны. Открылись пути к активной политической и общественной деятельности для новых слоев граждан и целых поколений, стоявших вне политики, отчужденных от нее. Появились легальные возможности для формирования независимых оппозиционных объединений и партий.

Приход в политику новых людей во многом менял всю картину и весь ландшафт общественно-политической жизни. Появление новых «прорабов перестройки», клубов друзей перестройки, народных фронтов в поддержку перестройки – все это укрепляло позиции сторонников демократизации, обновления общества, сопротивления консерваторам и ретроградам. Но все заметнее становилось и другое: неопытность, политическая неискренность многих политических новобранцев и неофитов нередко делали их добычей своего рода большевиков-наоборот – нетерпимых радикал-максималистов, готовых любой ценой крушить «коммунистический режим» ради собственных, своекорыстных интересов и выгод. Но стало это очевидным для многих с большим опозданием...

Реальная демократизация общества и государства стала самым серьезным испытанием для КПСС.

К сожалению, большая часть функционеров КПСС за десятилетия ее монополии утратила способность или так и не научилась вести политическую, идеологическую и организаторскую работу с людьми без опоры на государственно-административный ресурс. Характерно, что на пленумах ЦК - вплоть до самых последних - раздавались требования вновь подкрепить авторитет парторганов административно-правовыми рычагами. Кончилось это для партии тем, что большинство ее руководителей – по крайней мере весьма значительная часть из них – от членов ЦК до целого ряда местных комитетов оказались связанными с путчем ГКЧП, но это – тема и проблема особые и о них – позднее.

М.С.Горбачев «Наедине с собой». М.: "Грин стрит", 2012, С.515-523